Сергиенко Е.А. Межпарадигмальные мосты

English version: Sergienko E.A. Cross-paradigmatic bridges

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Сведения об авторе
Литература
Ссылка для цитирования

Предпринята попытка показать содержательное сближение психологических отечественных школ Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна, представленных в современных парадигмах историко-генетического, историко-эволюционного, культурно-аналитического, системно-субъектного и субъектно-аналитического подходов. Рассмотрены проблемы реализации принципа развития, системности, субъектности в психологии, развитие категориального строя и детерминации психического развития. Аргументируется возможность наведения межпарадигмальных мостов, что обусловлено самой логикой развития психологической науки, ее мультипарадигмальным и междисциплинарным характером на постнеклассическом этапе.

Ключевые слова: историко-эволюционный подход, историко-генетический подход, культурно-аналитический подход, системно-субъектный подход, субъектно-аналитический подход, межпарадигмальность, принцип развития, субъектность

На современном этапе появляется все больше подходов к изучению психического, его природы и организации. Этот процесс отражает мультипарадигмальность современного этапа в развитии науки, с одной стороны, а с другой – стремление определить своеобразную оптику теоретико-методологических и эмпирических исследований. При всем многообразии отечественных подходов в психологии хотелось бы в большей степени остановиться на историко-генетическом (Т.Д.Марцинсковская), культурно-аналитическом (М.С.Гусельцева), историко-эволюционном (А.Г.Асмолов), субъектно-аналитическом (В.В.Знаков) и субъектно-системном (Е.А.Сергиенко) подходах, которые уходят корнями в различные отечественные психологическое школы: культурно-историчекую теорию Л.С.Выготского, теорию деятельности А.Н.Леонтьева и теорию деятельности С.Л.Рубинштейна, субъектно-деятельностный подход А.В.Брушлинского, системный подход Б.Ф.Ломова, комплексный подход Б.Г.Ананьева.

В рамках статьи невозможно полно аргументировать общность и специфику данных подходов на современном этапе их развития. Однако попытаемся показать, что происходит сближение указанных подходов, неизбежное взаимопроникновение, подтверждающее общий ход развития науки – ее межпарадигмальность, неизбежное проникновение в логику развития школ новых подходов, методов и идей, что ведет на первом этапе к смысловому расширению понятий, которые образуют взаимосвязанный понятийный аппарат, а затем и к созданию интегративных, унитарных концепций и теорий, скорее указывающих на межпарадигмальные мосты между разными научными школами, чем их обособление. Поэтому рассмотрим лишь отдельные вопросы, демонстрирующие общее направление поиска и взаимосвязанных решений.

Принцип развития и системности

В книге 1978 г. «Принцип развития в психологии» показано взаимопроникновение и взаимовлияние принципа развития и системности. Л.И.Анцыферова пишет: «Взаимное обогащение на новом методологическом уровне принципа развития и системного подхода особенно необходимо в области психологии, имеющей дело с психической организацией жизнедеятельности человека – с системным объектом высочайшей степени сложности и пластичности, находящегося в постоянном становлении и преобразовании» [Анцыферова, 1978, с. 5]. Далее она отмечает, что в психологии развития все более используются различные системные понятия: иерархия, уровни, саморегуляция, структура, организация, интеграция, а само развитие начинает пониматься как системно-целостный процесс. Кроме того, сближение *категорий развития и системности* обусловлено общим характером необратимых изменений, который выделен для системных объектов.

На современном этапе данные идеи уже реализованы во многих подходах: системном, системно-деятельностном, историко-культурном, историко-эволюционном, культурно-аналитическом, системно-субъектном и других. Можно утверждать, что в том или ином виде принципы развития и системности стали общими психологическими принципами, тесно взаимосвязанными, которые обогащаются другими принципами, составляющими единое пространство современной методологии.

В одной из работ А.Г.Асмолова, Е.Д.Шехтера и А.М.Черноризова [Асмолов и др., 2014] обоснованы принципы анализа нарастания системной сложности психической организации, где принципы развития и системности выступают ключевыми в историко-эволюционном подходе. Авторы пишут, раскрывая суть подхода: «В рамках историко-эволюционного подхода в фокусе внимания находятся исследования прогресса и регресса биологических, социальных и психологических систем, в которых эволюционный прогресс рассматривается в контексте эволюционных традиций школы эволюционной биологии А.Н.Северцева – И.И.Шмальгаузена как восхождение к сложности и разнообразию» [Асмолов и др., 2014, с. 4]. Следует указать, что в работах Е.А.Сергиенко [Сергиенко, 1992, 2006] именно традиции А.Н.Северцева и И.И.Шмальгаузена составили неотъемлемую часть системно-эволюционного подхода, обоснованного еще в работах В.Б.Швыркова.

Авторское понимание этого подхода позволило аргументировать антиципирующий характер психического развития, готовности, преадаптации, вероятностного прогнозирования поведения на разных уровнях эволюционного развития [Сергиенко, 1992, 2006].

Обсуждая нарастание сложности предвидения в эволюции, автор обосновала представление о специфике человеческой антиципации. Только люди способны планировать будущие потребности, никак не представленные в текущей ситуации. В отличие от животных люди способны к антиципирующему планированию. Почему когнитивно труднее планировать будущее, чем настоящее? Ответ на этот вопрос может лежать в представлениях о двух видах репрезентаций, которые необходимы для планирования. Когда происходит планирование для текущих целей и потребностей, то необходимо репрезентировать действия и их последствия, представить последствия по отношению к потребностям в данный момент. Это предполагает ситуативные репрезентации и не требует перцептивно независимых, детальных репрезентаций. Двум видами репрезентаций соответствует и уровень коммуникации. Ситуативные, обобщенные репрезентации дают возможность коммуницировать при помощи сигналов, а независимые детальные репрезентации – символами. Следовательно, когнитивное преимущество – независимые, внеситуативные репрезентации – дают возможность прогнозировать отдаленные во времени и пространстве цели и потребности. Антиципирующее планирование предполагает и возможность кооперации индивидуумов по отношению этих будущих целей и потребностей, что означает координацию внутреннего мира индивидов. Такая координация возможна только на уровне символической коммуникации, то есть человеческого языка. В работе Е.А.Сергиенко [Сергиенко,

2012] при обсуждении соотношения прогресса и регресса в психическом развитии аргументировалось предположение об антиципирующем характере регрессивных изменений.

Авторы историко-эволюционного подхода указывают, что именно в сознании достигает наибольшего развития преадаптационный эффект эволюции жизни [Асмолов и др., 2016]. Таким образом, мы видим существенную общность между подходами в отношении развития и усложнения психики.

Проблема сознания в эволюционной перспективе

Проблема сознания остается тем твердым орешком, который никак не удается раскусить все более изобретательными способами науки. Однако важными шагами на пути решения или анализа данной проблемы становится расширение дискуссий по данной проблеме, что выражено в новых монографиях, конференциях и тематических статьях журналов.

На этом пути можно отметить резкое возрастание роли нейронаук, которые ищут объяснение в мозге, а с другой стороны – усиление гуманитарной парадигмы изучения сознания. Ситуация может быть описана по аналогии с оценкой Л.Виттгенштейна, который назвал «несоединимыми берегами» мозг (нейрональное описание) и сознание (описание содержания). По мнению С.Пинкера [Пинкер, 2004], проблема сознания состоит из двух проблем: легкой и трудной. Легкая проблема – это разделение между сознательным и неосознаваемым. В этой проблеме мозговые механизмы и поведенческие проявления маркируются и успешно изучаются. Трудная проблема – это возникновение субъективного опыта, его содержания и его связи с нейрональной активностью. Большие успехи нейронаук, однако, нельзя считать возможным ответом на данную загадку.

В психологии существует множество теорий сознания. Доминирующей концепцией в отечественной психологии остается понимание сознания как присвоение культурных форм и средств психической организации Л.С.Выготского. Но такое присвоение оставляет пассивным субъекта развивающего сознания. Представление о культурной специфичности мозга как о механизме сознания [Александров, 2009] указывает лишь на общее положение о генетико-средовой коактивации. Колин МакГинн [McGinn, 1999] считает, что неудачи в решение проблемы сознания лежат в нас самих: мы не обладаем достаточно развитым инструментом (мозгом), который бы справился с решением загадки сознания. Наш инструмент позволяет нам ориентироваться в мире, достигать все новых успехов, порождать теории о мире, но он терпит неудачу, пытаясь понять нашу сущность, понять, как продуцируется сознание. Утешением является то, что мы всегда будем пытаться познать себя, даже понимая, что многие теории обречены на неудачу.

Анализируя проблему сознания, А.Г.Асмолов, Е.Д.Шехтер и А.М.Черноризов указывают, что решение этой сложной проблемы зачастую ведет к редукционизму, в том числе и за счет диктатуры метода. Они пишут: «Нейрокогнитивная революция, претендующая на разгадку природы и механизмов сознания, рискует оказаться в плену диктатуры метода и стать революцией обманутых надежд» [Асмолов и др., 2016, с. 4]. Более того, авторы усиливают свое мнение выводами известного ученого в области философии сознания Томаса Нагеля, который подвергает критике отождествление сознания с мозгом в своей знаменитой работе «Каково быть летучей мышью?»: «…даже самые полные сведения о нейрофизиологии летучей мыши не позволяют нам понять ее субъективный мир. Этот вывод он распространяет и на человеческую психику» [Там же. С. 14–15]. На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу, что «именно *сознание как эволюционный механизм "выработки неопределенности" обеспечивает преадаптивный потенциал саморазвития системы, чувствительность к "изменению изменений" образа жизни еще до того, как наступят эти изменения*. При этом *сознание интерпретируется как "функциональный орган" смыслоразличения и смыслопорождения изменений образа жизни»* [Там же. С. 17].

Сходство аргументов автора данной статьи и авторов приведенной работы очевидно по вопросам соотношения физиологического и психического, системности организации психического, его антиципирующего характера.

Но здесь есть и существенные различия. В историко-эволюционном подходе А.Г.Асмолова, Е.Д.Шехтера и А.М.Черноризова, где обосновывается положение о психическом разнообразии в развитии биологических, социальных и ментальных систем, нет места такому понятию как субъект, который и является носителем максимальной уникальности, сознания, источником саморазвития и порождения смыслов. К данному вопросу мы обратимся ниже.

Особенное значение для понимания природы сознания и его механизмов, на мой взгляд, имеет изучение генеза сознания. Сознание не возникает вдруг как включение света в темной комнате. Здесь скорее уместна метафора светового реостата – постепенного все более ясного освещения внутреннего мира, репрезентирующего субъекта в реальности. Развитие сознания – это непрерывный процесс становления психической организации, понимания Себя, Другого и Мира. Сознание является атрибутом субъекта. Раскрывая непрерывность становления субъектности, мы можем продвинуться в понимании природы сознания. Осознание осуществляется субъектом, центром которого выступает структура Я. Познание Себя и Другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной форме). Раскрывая суть данных представлений, необходимо обсудить проблемы эволюции сознания, развития его в онтогенезе и уровневой структуры сознания. В последние десятилетия одним из направлений изучения становления сознания стал подход Theory of Mind [Flavell, 1999]. Способность атрибутировать ментальные состояния себя и Других предполагает концептуализацию знаний, так как ментальные состояния большей частью ненаблюдаемы непосредственно и аналогичны теоретическим допущениям в науке. Данное направление, бурно развивающееся в зарубежной психологии уже 30 лет, анализирует эволюционные и онтогенетические корни развития понимания мира людей и вещей. Сознание – это то, что отличает человека от даже высокоразвитых человекообразных обезьян. Но как велика эта пропасть?

Суть различий между человеческим познанием и возможностями познания других видов состоит, по гипотезе М.Томаселло [Tomasselo, 1999], в том, что только люди способны участвовать в общей кооперативной активности, объединенной общей целью и интенциями, то есть общей интенциональностью. Участие в такой активности требует не только зрелых форм понимания интенций и культурного научения, но также уникальной мотивации достижения общих психических состояний с другими, что означает необходимость уникальных форм когнитивной репрезентации. Понимание намерений включает в себя понимание цели действия и плана ее достижения [Tomasselo, 1999].

Собственно способность представлять внутренний мир Других ведет к значимому расширению собственного внутреннего мира. Эта способность добавляет в эволюции совершенно другой уровень развития психического. Это ведет к возможности научения знаниям Других. Подобная возможность перенять знания Других дает не только бесспорный выигрыш в кооперации, развитии сообщества и собственного внутреннего мира, но и возможность к манипулированию Другими людьми. Обман становится возможен только на уровне понимания модели психического Другого. Внешнее поведение обмана демонстрируют и высшие животные.

Существуют ли какие-то другие показатели когнитивного приобретения в эволюции, которые связаны с возможностью развития некоторых уровней модели психического?

Одна из характеристик сознания состоит в различении субъекта и объекта, способность дифференцировать то, что относится к Я и к не–Я. Долгое время эта способность считалась уникально человеческой. Однако эволюционно данный феномен также подготовлен. Удивительно, но именно животные, у которых обнаружены элементы самосознания, демонстрируют и элементарные способности в развитии модели психического.

Демаркационную линию развития субъективного мира животных и человека разные авторы проводят различно. Наиболее частый ответ о различиях между людьми и самыми близкими к нам видами обезьян состоит в том, что только люди имеют символический язык и речь. Существует безусловное эволюционное преимущество в развитии речи у человека. Однако развитию речи предшествуют важнейшие когнитивные изменения, обусловливающие «речевой взрыв» [Сергиенко, 2008]. Речевая способность предполагает развитие символических коммуникаций. Она основана на принципиальном различии в возможностях репрезентации животных и человека. Репрезентации можно разделить на два вида: обобщенные, ситуативно-зависимые, и независимые от ситуации, более детальные. Многие животные обладают способностью к репрезентациям, то есть имеют внутренний мир. Но в их ментальной организации преобладают ситуативно-зависимые, обобщенные репрезентации, тогда как независимые, специфичные представлены в самой незначительной степени.

Одно из главных эволюционных преимуществ внутреннего мира – предвидение.

Планирование у животных касается в большей степени текущих потребностей. Они начинают планировать, когда голодны или находятся в опасности. Даже у шимпанзе ментальные возможности ограничены настоящей ситуацией и концепцией ближайшего будущего и прошлого. Только люди способны планировать будущие потребности, никак не представленные в текущей ситуации. Когнитивные отличия животных от человека могут быть суммированы следующим образом: 1) у животных нет способности к общей интенциональности, но понимание простейших интенций есть; 2) бедность триадических отношений «Я – объект – Другой»; 3) ограничение развития самосознания на уровне опознания себя (мое); 4) ситуативно-зависимые ментальные репрезентации; 5) ситуативное прогнозирование ближайшего будущего. Следовательно, даже высшие животные достигают только уровня 2-летнего ребенка в развитии модели психического.

В психологии существует множество теорий сознания, его возникновения. Доминирующей концепцией в отечественной психологии остается понимание сознания как присвоения культурных форм и средств психической организации Л.С.Выготского.

В том же духе развивает концепцию природы сознания В.П.Зинченко [Зинченко, 2009]. Он полагает, что с рождения ребенок имеет интегральное сохраняющее начало, что становится условием усвоения языка, опыта и культуры в целом. Условием же развития его внутреннего мира является слово, передаваемое взрослым как носителем культуры. Согласна с аргументами В.М.Аллахвердова, указывающего на то, что для передачи из внешнего плана во внутренний (сознание) этот внутренний план как минимум должен существовать [Аллахвердов, 2009]. Хотелось обратить внимание на то, что предпочтение человеческой речи всем другим звукам обнаружено еще у 6-месячного плода, а для построения внутреннего мира словом первоначально необходим целый арсенал когнитивных изменений, который постепенно происходит у ребенка с момента рождения, тогда и только тогда слово будет играть огромное значение в построении внутреннего мира. Более того, человеческую речь предпочитают и животные даже такие как овцы и козы, не говоря уже о приматах. Но слово в этом случае не формирует сознание. Не могу не согласиться с В.М.Аллахвердовым в том, что «все же не социальное порождает сознание, а наоборот: именно сознание делает возможным возникновение языка и социальных взаимодействий» [Аллахвердов, 2009, с. 141].

В наших исследованиях модели психического как основы понимания себя и Другого мы также пришли к заключению, что социализация ребенка, социальное познание определяется именно уровнем организации его внутреннего мира (понимание обмана, понимание социальных взаимодействий и воздействий, понимание эмоций, их ситуативной причинности и т.п.) [Сергиенко и др., 2009; Сергиенко и др., 2013].

Таким образом, развитие понимания себя и понимания Другого (модель психического) имеет

эволюционную историю, и элементарные формы внутреннего мира обнаруживаются у высших приматов и, возможно, других высокоорганизованных видов. Однако уровень развития модели психического ограничивается уровнем представлений, характерных для человеческих младенцев 2–3 лет. Развитию модели психического в онтогенезе человека предшествуют также становление компонентов данной системы: выделение себя из окружающего мира (Я-экологическое), понимание взора как указателя, указывание, развитие понимания различий между физическим действием «смотреть» и ментальным результатом «видеть», переживание общих психических состояний (триадические отношения: Я-интерперсональное), развитие отсроченных действий, понимание различий между миром людей и вещей, понимание намерений своих и Другого, псевдодиалоги в общении, различие между Я-познающим и Я как объектом познания. Все эти компоненты составляют единую когнитивно-аффективную систему, которая включает все новые составляющие психического развития, что приводит к качественному усложнению системы, порождая понимания психического Себя и Других (модель психического) и пониманию законов физического мира. Критический шаг в эволюции самосознания – осознание себя не только как телесного агента, а как агента, имеющего внутренние репрезентации. Эти репрезентации внутреннего мира никогда не развиваются без развития репрезентации внутреннего мира других людей. Однако понимание собственных психических состояний лежит в основе понимания психических состояний Другого, но осуществляется только в континууме Я – Другой. «Опыт-Я» должен предшествовать «Опыту-Другого». Постепенное уровневое развитие внутренних, ментальных моделей интенсивно происходит в раннем детстве, но продолжается и во взрослом возрасте, изменяя наше осознание мира [Сергиенко, 2011a].

Принцип субъектности

Усиление принципа субъектности в психологии [Журавлев и др., 2009] имеет не только гуманистический смысл и теоретическое значение для психологии, но данный принцип положен в основу модернизации образования, делающего акцент на саморазвитии и самообразовании человека [Гусельцева, 2015].

В понимании субъектности фактически существуют два основных подхода – акмеологический и эволюционный (исторический): либо субъект – это определенный этап в развитии личности, знаменующий саморазвитие или самодетерминизм (акмеологический), либо субъект проходит свою историю развития, отличаясь на разных этапах разными проявлениями субъектной организации (эволюционный). Детальное рассмотрение двух этих подходов представлено в работе автора [Сергиенко, 2011b].

Примером современной разработки психологии субъекта в рамках акмеологического подхода становится субъектно-аналитический подход В.В.Знакова [Знаков, 2016].

Новый этап современного развития психологии субъекта связан с увеличением сложности проблемы понимания: различение трех реальностей мира человека (эмпирической, социокультурной и экзистенциальной) и обоснование причины различий и особенностей их понимания. При этом автор вносит существенный вклад в расширение понятия субъекта путем анализа его внутреннего мира, членя его на реальности не как отдельные элементы, а как составляющие интегративную картину мира. Но именно это аналитическое членение позволяет продвинуться к выделению психологических механизмов понимания мира субъектом. Аналитическая составляющая в данном подходе возвращает нас к методу анализа через синтез в научной школе С.Л.Рубинштейна, где анализ и синтез выступают не как последовательные, а как одновременно существующие тенденции. Кроме того, аналитичность является проявлением человеческого ума, которая играет значительную роль в рефлексии и переживаниях – ментальных механизмах понимания себя и мира. При этом переживание не всегда поддается рефлексии, но также включается в отношение субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия.

Примером эволюционного подхода может служить системно-субъектный подход [Сергиенко, 2011а].

Нами обоснована гипотеза о соотношении субъекта и личности, в которой две ипостаси человеческой индивидуальности – субъект и личность – представляют неразрывное единство и развиваются, начиная с самых первых этапов онтогенеза. Уровни субъектно-личностного развития как увеличивающиеся и усложняющиеся структуры рассматриваются всегда как присутствующие на любом этапе онтогенеза человека. Уровни этой организации обладают своей спецификой как в функциональном, так и структурном отношениях. При этом развитие подчиняется континуально-генетическому принципу непрерывности и преемственности развития, интеграции-дифференциации (подробнее см. [Сергиенко, 2012]).

Уникальность человека, таким образом, развивается при согласованном реципрокном развитии личностных и субъектных ипостасей как реализация содержательной направляющей (смыслообразования и смыслотворчества – личности) и индивиуальной реализации избирательной активности и деятельности в соотвествии с уникальность способностей и возможностей – субъект).

Детерминация психического развития

Т.Д.Марцинковская отмечает: «За последние десятилетия принцип детерминизма претерпел огромные изменения, пройдя путь от биологической детерминации с ее стремлением к самосохранению и адаптации к психологической детерминации, при которой ведущую роль играет интенция к самореализации. Сегодня принципиально изменился сам подход к пониманию детерминации, которая не может рассматриваться как жесткие причинно-следственные отношения, но только как варианты самоактуализации в заданных изменяющихся условиях культуры. То есть психологический детерминизм сочетается / дополняется культурной детерминацией» [Марцинковская, 2016].

На наш взгляд, такого жесткого детерминизма в решении данного вопроса нет ни в одной из теорий. Так, в обзорной статье 1978 года Л.И.Анцыферова [Анцыферова, 1978] подчеркивает значение исторических изменений для возрастного и стадиального членения жизненного пути, при этом историческая детерминация не предполагает прямое воздействие, оно преломляется через действие предрасполагающих, создающих диспозиции, подготавливающих и осуществляющих психологических механизмов.

Даже в пору выраженного социального детерминизма в социогуманитарных науках, включая психологию, детерминация психического развития рассматривалась в духе рубинштейновской школы: как воздействие внешних факторов через внутренние условия (развитие личности).

Более того, рассматривая культурную детерминацию, следует отметить, что она сама ограничивает самоактуализацию человека, определяя культурно-специфические «рамки» такого развития. Возможно даже введение понятия «культурная депривация» в смысле культурных направляющих развития личности и ограничений других потенциальных возможностей к развитию. Современное развитие культурной психологии дает значительный толчок для понимания механизмов культурной детерминации в развитии как типичного, так и уникального в жизни людей.

Без сомнения, современная разработка проблем детерминации психического развития вписана в более сложную модель мультидисциплинарных и межпарадигмальных решений.

Категории психологии

В современной психологии идет активная методологическая работа над категориальным аппаратом науки. Вводятся новые категории, например «модель психического», «ментальные ресурсы», «личностный потенциал» и многие другие. Но и традиционные категории наполняются новым содержанием, что обусловливает поиск иных принципов организации категориального аппарата в психологии.

Как справедливо указывает Т.Д.Марцинковская, «принцип развития активно фундирует пересмотр старого подхода к построению категориального строя» [Марцинковская, 2016, с. 113]. Она обосновывает необходимость смены матричного принципа организации категорий, который уже не отражает динамики их изменений, на сетевой. Именно сетевой принцип организации научных категорий характерен для постнеклассического этапа развития науки [Гусельцева, 2009].

По мнению Т.Д.Марцинковской, сетевой принцип организации категорий позволяет проследить их взаимосвязи, законы и тенденции в развитии категорий, возможность встраивания новых. Она приводит пример: «категория "образ" может быть представлена такими понятиями, как образ Я, образ мира, образ себя в мире, образ себя в глазах других и т.д. Эта сеть понятий пересекается с другой сетью, идущей от категории «личность»: персональная идентичность, социальная идентичность, групповая, культурная, гендерная и т.д., непосредственно примыкающей к группе понятий, связанных изначально с категорией отношения. На пересечении этих сетей выстраивается новая категория – социализация, связывающая, в свою очередь, все эти сети с переживанием, которое также разделяется на социальные и персональные переживания, соотносимые и с разными видами образа, и с разными видами идентичности, и с разными видами отношений» [Марцинковская, 2016, с. 125]. В переходе к сетевому принципу категоризации в психологии автор видит саморазвитие и самодвижение научного знания, то есть реализацию принципа развития в самой методологии.

Автор приводит метафорическое описание общей современной картины психологической науки как аналог «сети» и «невода». Если сетевой принцип применим к изучению отдельных проблем, образующих систему знаний, то «невод» образует единую многомерную систему концепций и подходов (вертикальных и горизонтальных отношений), собирая их воедино, не давая растекаться в разные стороны.

Данные метафоры чрезвычайно важны для развития научного знания, однако здесь возникает вопрос о выборе «материала»: теорий и подходов, равнозначности и состава ячеек в сети и неводе. Этот вопрос сопряжен с субъектностью самого научного знания, ответственностью и профессионализмом самого исследователя, от кого зависит и выдвижение гипотезы, и ее экспериментальная проверка, и интерпретация, дальнейшее место в выбранной «сети» категорий и «неводе» теорий. Возможно, именно такое положение отвечает метамодернизму, предполагающему поиск творца.

Общее положение о структурно-уровневой концепции детерминации психического развития было сформулировано в работах В.Г.Асеева [Асеев, 1978], А.В.Брушлинского [Брушлинский, 1979]. Гипотеза о роли противоречий, подготовленности их в развитии нашла свою дальнейшую разработку в современной психологии, был и конкретизированы и разработаны типы таких противоречий – внутрисистемных и межсистемных, противодействие трудностям, компенсация в развитии, переход к саморазвитию, достижение зрелости как показатель их разрешения.

Это общее положение о подготовленности и осуществлении развития было реализовано при раскрытии принципа непрерывности, гетерохронности, гетерогенности психического развития, введением наряду с принципом иерархии систем принципа гетерархии, что снимает противоречие в сосуществовании систем разного исторического и эволюционного уровней.

Детерминация психического развития в настоящее время представляется как мультидетерминированный процесс, который означает множество пересечений биологических,

генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре – человек как саморазвивающаяся система.

В одной из последних статей Г.Готтлиб [Gottlieb, 2007] обосновывает метамодель развития, названную вероятностным эпигенезом (ВЭ) (Probabilistic epigenesis), которая формулирует общие принципы процессов онтогенетического и эволюционного развития. Эта модель подчеркивает реципрокность внутри и между уровнями развития (генетическую активность, поведение, физические, социальные, культурные влияния внешнего мира) и генетико-средовые взаимодействия в реализации всех фенотипов.

Модель вероятностного эпигенеза контрастирует с идеями предетерминизма, где генетическая активность вызывает созревание определенных структур, которые начинают функционировать: генетическая активность – структура – функции.

Значение данной модели для понимания детерминации психического развития состоит, во-первых, в том, что, напротив, ВЭ постулирует бидирекциональные отношения внутри и между уровнями: нейрональные и другие структуры начинают функционировать до их полной зрелости, а их активность (спонтанная или вызванная) играет определяющую роль в процессе развития. Существуют доказательства, что генетическая активность подвержена влияниям нейрональных, поведенческих и внешних событий. Безусловно, модель ВЭ Г.Готтлиба соответствует идеям эпигенетического ландшафта Уоддингтона. Однако именно эта модель заостряет вопрос о корректности поиска генетических предикторов психического развития.

Второе значение данной модели состоит в том, что подчеркивается важность принципа неопределенности в развитии и роль уникальности индивидуального опыта.

Третье ее значение – это непрерывность генетико-средового взаимодействия, включающее непрерывность как нейронального, так и поведенческого развития. Данная модель фактически согласуется с представлениями о вероятностном и неопределенном характере развития индивида, понятно, что в настоящее время никакие общие модели не могут предсказать развитие индивидуальности человека.

Это означает, что разработка методологических основ психологии требует еще больших усилий и консолидации различных психологических школ, подходов в попытках «сетью и неводом» охватить все многообразие исследований и парадигм, приблизиться к пониманию детерминант психического развития, к обобщающим теориям развития психики.

Межпарадигмальные мосты

Как отмечают авторы программы, направленной на поиск целостного анализа феномена жизни, в котором разнообразие, специализация и симбиоз являются универсальными феноменами, «в последнее время в биологических, социальных и ментальных науках все острее ощущается дефицит синтетических концепций. На роль синтеза претендуют синергетика, постмодернистские трактовки эволюции, а также системный и сетевой анализ развития сложных систем. Вместе с тем остается недооцененным уникальный пласт подходов к эволюции как росту разнообразия, намеченный в классических исследованиях В.И.Вернадского (1994), И.И.Шмальгаузена (1968), М.М.Ковалевского (1997), А.Бергсона (1909), В.А.Вагнера (1928), А.Н.Северцова (1967) …» [Асмолов и др., 2013, с. 3].

Системно-эволюционный подход в психологии также широко реализуется и входит как неотъемлемая часть в системно-субъектный подход, направленный также на создание унитарной концепции психического развития. Кроме того, разработка системно-эволюционного подхода реализуется также в работах Ю.И.Александрова и его коллег [Александров и др., 2009].

Несмотря на своеобразие и авторскую уникальность этих разработок, важно подчеркнуть, что эволюционный принцип анализа становится общим мостом в разработке сложных проблем природы психического.

Именно реализация эволюционного принципа анализа привела к сходным предположениям, как было показано выше, об антиципирующем характере психической организации, ее усложнении через саморазвитие.

Сложная проблема сознания с точки зрения школы Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева и школы С.Л.Рубинштейна решалась различно. Однако в последних работах А.Г.Асмолова, И.Д.Шехтера и А.М.Черноризова намечены с позиций историко-эволюционного подхода представления о взаимопомощи, предвидении, усложнении систем, которые также раскрываются в рамках системно-эволюционного и системно-субъектного подходов. Здесь вся логика развития наук о человеке, достижения в разных областях также способствуют наведению мостов между школами и разными парадигмами.

Представление о движущих силах психического развития – ключевая проблема дискуссий между школой культурно-исторической теории, теорией деятельности А.Н.Леонтьева и теорией деятельности С.Л.Рубинштейна.

Не обсуждая сути и деталей спорных представлений, которые достаточно хорошо известны, укажу только на то, что современное представление о мультидетерминации психического развития, что означает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре – человек как саморазвивающаяся система, позволяет также подготовить «переправу» между разными парадигмами, что диктует мультипарадигмальность и междисциплинарность современного этапа развития науки.

Автор статьи отдает себе отчет о фрагментарности обоснования общей идеи о наведении мостов между разными школами в отечественной психологии. Однако представляется, что сама попытка анализа заставляет перейти от поверхностного уровня сравнения парадигмального аппарата к содержательному и глубокому, что позволит снять целый ряд разногласий, и будет способствовать наведению мостов, что в век постмодерна становится требованием логики развития науки.

Финансирование
Исследование выполнено по заданию Федерального агентства научных организаций РФ, проект 0159-2016-0006.

Литература

Александров Ю.И. Системно-эволюционный подход: наука и образование. Культурно-историческая психология, 2009, No. 4, 33–42.

Аллахвердов В.М. Сознание – кажущееся и реальное. Методология и история психологии, 2009, 4(1), 137–150.

Анцыферова Л.И. Методологические проблемы психологии развития. В кн.: Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 3–20.

Асеев В.Г. О диалектике детерминации психического развития. В кн.: Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 21–37.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции. Вопросы психологии, 2013. No. 6, 3–13.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. По ту сторону гомеостаза: историко-эволюционный подход к развитию сложных систем. Вопросы психологии, 2014, No. 4, 3–15.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме. Вопросы психологии, 2016, No. 2, 3–23.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований. Вопросы психологии, 2009, No. 5, 17–27.

Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: идея модернизации. Образовательная политика, 2015, 2(68), 6–26.

Журавлев А.Л., Знаков В.В., Рябикина З.И., Сергиенко Е.А. (Ред.). Субъектный подход в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2009.

Зинченко В.П. Мысль, слово, образ, действие, аффект: общее начало и пути развития (от первичной интеграции к богатству душевной жизни). Методология и история психологии, 2009, 4(1), 87–112.

Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Марцинковская Т.Д. Принцип развития в дискурсе персонологической и возрастной психологии. В кн.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко (Ред.), Принцип развития в современной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2016. (В печати)

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Сергиенко Е.А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.

Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива. Психологический журнал, 2011a, 32(1), 120–132.

Сергиенко Е.А. Сознание и эволюция модели психического. В кн.: Психология сознания: современное состояние и перпективы: материалы 11 Всесоюзной научной конференции. 29 сентября – 1 октября 2011 г., Самара. Самара: ПГСГА, 2011b. С. 143–148.

Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012, 5(24),1. http://psystudy.ru

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009.

Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н., Лебедева Е.И. Телевизионная реклама и дети. М.: Институт психологии РАН, 2013.

Flavell J.H. Cognitive development: children's knowledge about the mind. Annual Review Psychology,

1999, Vol. 50, 21–45.

Gottlieb G. Probabilistic epigenesist. Developmental Sciences, 2007, 10(1), 1–11.

McGinn C. The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World. New York, NY: Basic Books, 1999.

Tomasello M. The cultural origins of human cognition. Cambridge: MA, Harvard University Press, 1999.

Поступила в редакцию 15 апреля 2016 г. Дата публикации: 15 августа 2016 г.

Сведения об авторе

Сергиенко Елена Алексеевна. Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.
E-mail: elenas13@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru
Сергиенко Е.А. Межпарадигмальные мосты. Психологические исследования, 2016, 9(48), 4. http://psystudy.ru

Стиль ГОСТ
Сергиенко Е.А. Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 48. С. 4. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1306-sergienko48.html

К началу страницы >>